

ВОТ УЖ поистине — ирония судьбы! Сколько раз, проезжая мимо, к Савве Морозову, он восклицал: «Какой нелепый дом!». Но не пройдет и десяти-ка лет, как дом этот станет его собственным жилищем.

Переступая его порог, он снова буркнет что-то в этом роде, а потом, смирившись — «работать можно», — вдохнет в него новую жизнь.

А здание действительно необычное. Полная асимметрия форм, обилие декоративного убранства. Окна, расположенные в хаотическом беспорядке, абсолютно разные по величине. Одно слово — модерн. Видно, очень старался известный архитектор Ф. О. Шехтель угодить вкусу миллионера Рябушинского, выполняя его заказ. Разве мог предположить он тогда, что жизнь так все повернет — здесь поселится самый что ни на есть пролетарский писатель.

Этот дом был выбран Советским правительством для Горького не случайно. Он находился в самом центре Москвы, на тихой улице у Никитских ворот, вблизи от учреждений, редакций и издательств, где часто придется бывать писателю.

14 мая 1931 года прямо с Белорусского вокзала его, вернувшегося из Италии после 10-летнего лечения, привезли сюда.

Перво-наперво Горький попросил заделать дубовой панелью беломраморный камин

с обнаженными нимфами в столовой, заколотить парадную дверь со стороны улицы и открыть вход со двора. Перенести его спальню со второго этажа на первый в небольшую комнату, где ему казалось уютнее и проще. А главное — здесь, по секрету от родных и медиков, можно было просидеть до утра над книгой, так как комната была изолирована от всего дома.

...Сегодня, как и при жизни писателя, вход в дом со двора. Из прихожей сразу попадаем в секретарскую. Секретарь П. П. Крючков и сын Максим Алексеевич вели отсюда бесконечные переговоры по телефону, регулировали огромный поток посетителей, рассортировывали почту: Горький был редактором 13 изданий и журналов одновременно. Здесь сын Горького перепечатывал рукописи отца, о чем напоминала папка с напечатанными материалами и лист рукописи в машинке.

Если в секретарской еще имеются элементы экспозиции, то кабинет писателя, хранящиеся в нем вещи воскре-

шают неповторимые черты его хозяина. Удивительное дело! Кто бы ни приходил к Горькому из старых друзей, обязательно замечали, что рабочую комнату Горький будто возит с собой. И действительно, кабинет во все времена был обставлен одинаково.

Перпендикулярно к окну — высокий простой столешной работы письменный стол, покрытый зеленым сукном: тяжело больному туберкулезом легких Горькому трудно было работать, низко склонившись. Стол без тумбочек и ящиков. Все необходимое — на виду. И тем не менее поражает удивительный порядок.

Необычный лист рукописи с широкими, в одну треть ширины листа, полями, с огромным количеством исправлений, дополнений. До 3—4 раз переписывал иногда он целиком свои рукописи. А бывало и так: за полгода до смерти создавал абсолютно новый вариант пьесы «Васса Железнова», написанной им впервые тридцать лет назад.

Пепельница, мундштуки, сигареты. В часы работы он ку-

рил почти непрерывно. Каждый раз поджигал накопившиеся в пепельнице окурки и спички, от чего получался маленький костерок. Он любил смотреть на огонь.

Здесь же, в кабинете, — богатейшая коллекция китайского, японского прикладного искусства. Он был великолепным знатоком Востока. В застекленных шкафах около 330 предметов только миниатюрной скульптуры из слоновой кости — окимоно и эдзэки. Но в отличие от других коллекционеров Горький легко расставался с вещами, приобретенными когда-то с большим трудом. Уникальные коллекции оружия, монет, медалей, нефрита, буддийских божеств, картин он передавал в музей, дарил друзьям.

Особенно любил дарить писателям книги. Не было ни одного из них, кто, уходя от Горького, не уносил бы с собой целые стопки нужных ему томов. Поэтому многие вспоминали позже о нем, как о «странном коллекционере» с «веселой манерой» все раздавать. И тем не менее сегод-

ня библиотека Горького, 4-я по счету, насчитывает более 10 тысяч томов. Они хранятся в больших двухстворчатых шкафах «под красное дерево» и заполняют все свободное пространство дома.

Дубовые двери ведут из библиотеки в столовую. Посреди комнаты под лампой с зеленым абажуром — большой обеденный стол, накрытый белой скатертью. Сколько счастливых вечеров провел за ним писатель в кругу семьи!

За столовой закрепилось общественное название своеобразного «горьковского клуба»: заветной мечтой писателя было объединить всех мастеров культуры. Беседы велись всегда в веселой непринужденной обстановке за чаем. Афиногенов вспоминал, что Горький будто разбрасывал пригоршни фактов, интересных тем, необыкновенных характеров — берите, если это может хотя бы как-то помочь вам в работе.

Иногда столовая до отказа наполнялась артистами, музыкантами, художниками, учены-

ми, сидели даже на подоконниках. В доме царил радостное оживление. И создавал его Горький. Несмотря на свой седьмой десяток лет, выглядел он необычайно молодым — легкая походка, живость взгляда.

В один из таких вечеров праздновали день рождения Максима. Импровизированные маскарадные костюмы, жже-ные пробка и мука... И вдруг в разгар бала среди гостей появился Алексей Максимович в пестром бухарском халате и туфетейке. Выглядел он, как восточный халиф. Весь вечер веселился с гостями, иные из которых были вдвое моложе его. Об этом празднике напоминает сегодня атласный халат Горького в шкафу.

Это был один из последних шумных вечеров в доме. 11 мая 1934 года Максима Алексеевича, единственного и горячо любимого сына Горького, не стало. Он умер неожиданно от воспаления легких. На тридцать седьмом году жизни. Мужественно, молча переживал писатель свое горе. И лишь в последние минуты, стоя у изголовья умирающего, поправляя подушку, он вдруг страшно возбудился, заговорил о несправедливости, противостоитности того, что родители переживают своих детей. Отрывочные мысли вслух — прорвавшаяся душе-раздирающая боль сердца. Потом было страшное кровохарканье.

Ненадолго пережил отец сына — всего на два года. Здоровье Горького стало резко ухудшаться. Но он по-прежнему работал. И уже на смертном одре дрожащей рукой записывал свои мысли и ощущения. Последняя запись была о романе «Жизнь Клима Самгина», который так и остался незавершенным. «Конец романа — конец героя — конец автора», — напишет он в предсмертную минуту...

Однажды Алексей Николаевич Толстой, живший по соседству с Горьким на Малой Никитской, высказал замечательную мысль — великие люди не имеют двух дат бытия — даты рождения и даты смерти. У них только одна дата — рождения.

И сегодня, когда музей-квартира Горького после длительного ремонта вновь принимает гостей, вспомнились эти слова.

Говорят, большое лучше видится на расстоянии. И действительно, чем дальше по времени отстоит от нас творчество Горького, тем ближе и понятнее и, если хотите, современнее, становится его мысли. Писатель обладал поразительной интуицией общественной и человеческой судьбы. И неудивительно, что сегодня интерес к его творчеству во всем мире растет.

НА МАЛОЙ НИКИТСКОЙ

В Москве открыт музей-квартира Алексея Максимовича Горького.